

УДК 316.74

DOI 10.23683/2227-8656.2018.1.2

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ
ДОВЕРИЕ К НАУКЕ
В КОНТЕКСТАХ МОДЕРНА
И ПОСТМОДЕРНА¹**

**INSTITUTIONAL TRUST
IN THE SCIENCE IN THE
CONTEXT OF MODERN
AND POSTMODERN**

Зарубина Наталья Николаевна

Доктор философских наук,
профессор,
Московский государственный институт
международных отношений МИД России,
г. Москва,
e-mail: n-zarubina@yandex.ru

Natal'ya N. Zarubina

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Moscow State University
of International Relations of the MFA
of the Russian Federation,
Moscow,
e-mail: n-zarubina@yandex.ru

В статье рассматриваются основания институционального доверия к науке в обществах модерна и постмодерна. Актуальность проблемы институционального доверия к науке обусловлена дисперсией знания в современном обществе, приводящей к распространению ненаучных представлений и постепенной утрате россиянами научного мировоззрения. В статье показано, что в обществах модерна наука является основным институтом, производящим знания, просвещение является важной составляющей модернизации. Однако сциентизм модерна сталкивается с серьезными культурными противоречиями, вызывая недоверие к науке. В условиях становления постмодерна усиливаются тенденции плюрализма знания и производящих его институ-

The article deals with the foundations of institutional trust in science in the societies of modernity and postmodernity. The problem of institutional trust in science is relevant due to the dispersion of knowledge in modern society, leading to the spread of unscientific perceptions and the gradual loss of the scientific worldview by Russians. The article shows that in modernist societies science is the main institution that produces knowledge, enlightenment is an important component of modernization. However, the scientism of modernity faces serious cultural contradictions, provoking distrust towards science. In the conditions of postmodernity formation, the tendencies of pluralism of knowledge and pluralism of the institutions that produce it are accelerating, the popularization of science

¹ Статья подготовлена при поддержке РНФ, грант № 16-18-10411.

тов, популяризация науки приобретает клиповый характер. Делается вывод о том, что снижение доверия к науке и ученым в современной России является следствием не «незавершенной модернизации», а трендов постмодернизации.

acquires a clip-like character. It is concluded that the decline in trust in science and scientists in modern Russia is not a consequence of "incomplete modernization", but of post-modernization trends.

Ключевые слова: наука, институциональное доверие, модерн, модернизация, просвещение, популяризация науки, постмодерн, дисперсия знания.

Keywords: science, institutional trust, modernity, modernization, enlightenment, popularization of science, postmodernity, dispersion of knowledge.

Введение

Модернизация обществ Запада как становление рыночной экономики, культуры модернити с ее индивидуализмом, политическим и ценностным плюрализмом, достигательной этикой, рационализмом была сопряжена с постепенным утверждением академической науки в качестве основного института, производящего знания, и научной картины мира как наиболее надежной и соответствующей культурной норме. Просвещение в Западной Европе внесло неменьший вклад в становление культуры модернити, чем развитие рынка и капиталистического предпринимательства. Однако по мере развития и трансформаций модерна статус науки и научного мировоззрения стал меняться. Усиливающаяся дисперсия знания привела к утрате модернистским сциентизмом символических позиций в общественном сознании. В современной России, например, ученые выражают озабоченность в связи с массовым распространением лженаучных и паранаучных теорий, эзотерики, мистики и магии, возвратом значительной части россиян к донаучным представлениям о мире [1]. Является ли это проблемой незавершенности российской модернизации, ее неорганичного характера, приведшего к утрате просветительских достижений советского периода, или это следствие того, что мир, в том числе и Россия, вступил в новый этап развития культуры, где наука занимает иное место? Поиску ответа на эти вопросы посвящена данная статья.

Наука в обществах модерна как базовый институт производства знания

Культура модернити основывается на научно обоснованной картине мира, которая предполагает существование устойчивых причинно-следственных связей, исторической преемственности, *рациональности* социальных институтов и действий индивидов. Модернити является культурой Логоса, господства рационального мышления. Один из признанных основоположников современных представлений о модернизации

ции, М. Вебер, говорит о науке как механизме «расколдования мира», состоящем не просто в нахождении алгоритмов наиболее эффективных практических действий, а в том, что «люди знают или верят в то, что стоит только захотеть, и в любое время все это можно узнать; что, следовательно, принципиально нет никаких таинственных, не поддающихся учету сил, которые здесь действуют, что, напротив, всеми вещами в принципе можно овладеть путем расчета» [2, с. 713–714].

Формирование современной науки как института, производящего знания, основанное на античной логике понятия и ренессансном рациональном эксперименте, рассматривают также и как латентное последствие развития этики и мировосприятия протестантизма. Принципиально и решительно разделив веру и знание, настаивая на невозможности рационального познания Бога, протестанты искали пути его понимания, явленные в творении, т.е. в природе. В то же время, формируя идеал активной преобразовательной деятельности в повседневной жизни, протестантизм предполагал и практическое овладение природой, которое также стало делом ученых [2, с. 717].

Убежденность в значимости познания, развития науки как пути прогресса человечества укрепилась в XVII в. в философии Ф. Бэкона и Р. Декарта. Сциентизм как система взглядов, абсолютизирующая значение научного знания в системе культуры, характерен для мировоззрения раннего модерна. Однако, хотя уже в этот исторический период стала проявляться высокая инструментальная эффективность научного знания (открытие вакцины против оспы в XVIII в., изобретение громотвода и т.д.), ученые считают практическое применение результатов и совершенствование манипуляций с повседневным природным и социальным окружением человека не главной функцией науки. М. Вебер об инструментальных результатах говорит, что «это на уровне торговли овощами» [2, с. 729], находящей рациональные инструменты достижения своих целей. Сами по себе методы мышления, пути обретения истины ненамного более ценны. Напротив, по мнению М. Вебера, дикарь, оперирующий простейшими орудиями и знающий лишь то, что необходимо для выживания, все-таки более компетентен относительно своего природного, инструментального и социального окружения, чем современный человек, пользующийся сложными техническими устройствами, принцип работы которых ему незнаком [2, с. 713].

Что же тогда составляет главную ценность науки и производимого ею знания, на чем основан императив доверия к ней в культуре модерна? В процессе институционализации науки формировались относительно закрытые корпорации ученых, специфический этос которых

был основан на *самостоятельной ценности знаний и научной истины*. До сих пор среди учёных распространены представления, акцентирующие независимость ценности знания от его практической применимости и полезности. Этнос зрелого научного сообщества как «моральной общины» описал Р. Мертон, выделивший следующие его основания: норма *универсальности*, утверждающая объективность научных результатов, их независимость от статусов, национальной принадлежности и т.д.; норма *общности*, предполагающая общедоступность научных достижений, невозможность их приватизации; норма *бескорыстия*, т.е. ориентации на удовлетворение от самих результатов научной деятельности, от поиска истины, а не от вознаграждения в той или иной форме; «*организованный скептицизм*» как подверженность каждого научного результата критическому анализу со стороны других исследователей [3, р. 67]. Модернистский сциентизм основан на представлении о том, что, как сформулировал Ф. Бэкон, «знание – сила» само по себе, как атрибут человека, открывающий ему путь к господству над природой, в том числе и своей собственной.

При такой высокой значимости науки в культуре модерна освоение ее достижений и заимствование институциональных принципов стали одной из неперенных составляющих политики модернизации. В России академическая и университетская наука как институт, производящий знания, появилась в результате петровских преобразований. Первые академики, как известно, были приглашенными европейскими, в основном немецкими, учёными, однако сами принципы организации научного сообщества и научной работы в нашей стране предсказуемо стали иными, чем в Европе. С самого начала модернизационных преобразований наука была предназначена для достижения целей и решения задач, которые ставило государство, и научная работа превратилась в разновидность государственного служения. Как отмечал русский ученый Н.И. Кареев, «у нас насаждала науку власть, смотревшая на ученых не иначе как на чиновников известного ведомства: это были члены своего рода *служилого сословия*, не замкнувшегося у нас в особую корпорацию, и сами они сначала не отличали себя от обыкновенных чиновников» [4, с. 177].

Таким образом, в ходе заимствованной модернизации в России был несколько изменен смысл института науки: были возвеличены прикладные, практически полезные аспекты научного творчества, в то время как самостоятельная ценность знания самого по себе отошла на второй план. В ходе советского этапа модернизации прикладное понимание науки усилилось.

Еще одна важная функция науки в условиях модернизации связана с развитием современного человека как особого социокультурного типа, обладающего мировоззрением, основанным на достижениях науки. В традиции, заложенной европейским Просвещением в XVIII в., распространение научных знаний было призвано служить прогрессу через освобождение человека от религиозных предрассудков. Соответственно, в ходе модернизации просвещение масс и утверждение научной картины мира сопровождалось в первую очередь борьбой науки и религии. Принципиальное различие между наукой и религией М. Вебер видит в «беспредпосылочности» научного знания, т.е. отсутствии в нем безусловных, не подлежащих оспариванию, оснований в виде откровения и пророчества [2, с. 724]. Адептам просвещенческого сциентизма именно в этом виделась эмансипирующая роль науки, реализуемая через ее популяризацию.

Популяризация науки в качестве особой практики исторически формировалась как продукт стремления учёных познакомить общество, в первую очередь элиту, с результатами своего труда. Первыми популяризаторами науки были сами учёные, стремившиеся, во-первых, к признанию и финансовой поддержке своих исследований со стороны властей; во-вторых, к признанию и уважению их профессиональных достижений. Их аудиторию составляли в основном элиты и образованные группы: еще в XVII в. Галилео Галилей развлекал герцогов Медичи демонстрацией физических опытов, в чём преуспел и чем прославился. Затем в контексте идеологии Просвещения аудитории расширились, учёные стали принимать на себя миссию повышения уровня образования, формирования мировоззрения, а параллельно и укрепления своих профессиональных позиций в общественном сознании.

В дореволюционной России в периоды ее ускоренного экономического развития и формирования демократически ориентированной интеллигенции были заложены основы просветительской деятельности ученых, признавших в качестве своей социальной миссии служение не государству, а народу. После Октябрьской революции широкая популяризация науки приобретает характер модернистской по своей сути *просветительской миссии*, ориентированной как минимум на две цели:

1. Формирование нового человека с прогрессивным мировоззрением, основанным на научной картине мира, вытесняющей религиозную картину мира.

2. «Демократизацию знания» (идею которой продвигал Н.И. Бухарин [5, с. 270]), ориентированную на подготовку квалифицированных кадров для индустриализации страны.

Уже в 1920–1930-х гг. были заложены основы советской системы популяризации науки, ориентированной на широкие массы, она была институционализирована – в 1947 г. было создано *Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний*, которое с 1963 г. стало называться общество «Знание» (оно существует и сейчас). Как известно, оно объединяло тысячи учёных, инженеров и других специалистов, организовывало публичные лекции и выпускало научно-популярные издания многомиллионными тиражами. Начали выходить новые журналы, получившие большую популярность, важное место в системе популяризации науки и технических знаний занимало кино (студия «Центрнаучфильм» и др.) и телевидение, а также научные музеи, выставки и т.п.

В то же время просветительская парадигма популяризации научного знания в условиях модернизации сталкивается с проблемами, связанными с тем, что ученые как относительно замкнутая корпорация, ориентированная на ценность знания самого по себе, с собственными познавательными интересами, далеки от широких масс, к которым обращаются популяризаторы науки. Они говорят на сложном, не понятном ни власти, ни тем более простым людям языке, для популяризации научного знания приходится, во-первых, дифференцировать интересы профессионального научного сообщества и непрофессиональных аудиторий, «отбирать» интересные для широкой аудитории проблемы и факты; во-вторых, адаптировать язык и находить занимательные формы повествования.

В контексте решения этих проблем вырабатывается классический формат популяризации науки, в основе которого лежат представления о *дефиците знаний* в обществе [5, с. 282], вызванном взаимным отчуждением ученых и масс – носителей повседневного знания. В таком формате ученые и популяризаторы науки занимают позиции менторов по отношению к аудитории, задача которой состоит в пассивном восприятии и понимании, а сама популяризаторская деятельность принимает форму обстоятельных повествований, близких к академическим лекциям, лишь в несколько укороченном, более доступном и наглядном виде.

В культуре модерна когнитивный и культурный приоритет научного знания, сопряженный с просветительской миссией ученых, влечет за собой *обретение научным сообществом символической власти и власти номинации* (П. Бурдьё), т.е. права навязывать обществу свое видение мира посредством присвоения наименований социальным явлениям, оформленного в общепризнанную, более того, даже обяза-

тельную для всех картину мира [6, с. 72]. Картина же мира предполагает не только классификацию, упорядочивание всех его элементов и определение взаимосвязей между ними, но и утверждение легитимного и общеобязательного *отношения* к миру и его отдельным компонентам. Таким образом, научное сообщество получает право определять отношение к разным формам знания, решать, что является научным, т.е. легитимным, знанием, а что лженаучным (паранаучным, псевдонаучным и т.п.) со всеми негативными коннотациями, – от несоответствия критериям научного метода и социетального порядка института науки до приписывания авторам корыстных, аморальных, мошеннических мотивов.

В российском дискурсе борьбы с лженаукой «социологический» подход к демаркации научного и лженаучного знания, основанный на признании теории научным сообществом, рассматривается как наиболее адекватный [7, с. 59–60]. Недавний опыт с принятием комиссией по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН меморандума «О лженаучности гомеопатии» от 6 февраля 2017 г. является хорошим примером осуществления учеными делегированного им права на символическое насилие¹. Однако не стоит забывать, что абсолютизация власти номинации нередко оказывается контрпродуктивной и реально служит искажению научной картины мира: гонения на «буржуазные лженауки» генетику и кибернетику разворачивались на фоне возвеличивания научным сообществом «мичуринской биологии».

В советский период, который в терминологии А. Турена можно рассматривать как контрмодернизацию, т.е. селективное формирование институциональных и культурных основ общества модерна, исключая такие его элементы, как рыночная экономика, политический и культурный плюрализм, индивидуализм, как раз строгий монизм научного мировоззрения превратился в нашей стране в базовый культурный императив. Возведение идеологии в ранг науки и борьба с религией как альтернативным институтом производства знания сформировали монополию ученых на символическую власть при их подконтрольности политической власти.

Однако, несмотря на повсеместное признание науки ведущим институтом производства знания в обществе модерна, доверие к ней все же не стало безусловным.

¹ Меморандум № 2 комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН «О лженаучности гомеопатии» [Электронный ресурс]. URL: <http://klnran.ru/2017/02/memorandum02-homeopathy/> (дата обращения: 22.09.2017).

Противоречия культуры модерна как источник недоверия к науке

Культура общества модерна содержит в себе значимые смысловые противоречия, приводящие в конечном счете к дисперсии знания и подрыву безусловного доверия к науке. Это противоречия между, с одной стороны, *императивом плюрализма* ценностей, культур, идеологий, взглядов на мир, а с другой – *сциентизмом* модернистской картины мира, утверждаемым в качестве базовой модели отношения к миру. На фоне этого противоречия практически параллельно сциентизму развивается *антисциентизм* как система взглядов, основанная на критическом отношении к чрезмерному возвышению, абсолютизации роли науки в обществе. Взгляды умеренных антисциентистов основываются на гуманистически ориентированном признании необходимости многообразия форм человеческого опыта и знания, не сводимого к науке, в то время как радикальные антисциентисты критикуют науку само по себе как ограничение творческой свободы познающего мир человека (Н.А. Бердяев).

Как видим, эта тенденция модернистской культуры основывается на недоверии к науке как специфической, пользуясь терминологией М. Вебера, «беспредпосылочной», «свободной от ценностей», находящейся вне морали системе знания и картине мира. Ведь следствием такой «беспредпосылочности» является отсутствие смысловых и ценностных основ научного знания за рамками прикладных технических решений, которые оно дает. М. Вебер, например, видит в этом социокультурную ограниченность науки и эволюцию культуры модерна от веры в науку как могучее средство познания истины в эпоху ее становления до признания науки преградой на пути к истинному знанию: «Наука как путь к природе» – для молодежи это звучит кощунством. Наоборот, необходимо освобождение от научного интеллектуализма, чтобы вернуться к собственной природе и тем самым к природе вообще!.. Кто сегодня, кроме некоторых “взрослых” детей, которых можно встретить как раз среди естествоиспытателей, еще верит в то, что знание астрономии, биологии, физики или химии может – хоть в малейшей степени – объяснить нам смысл мира или хотя бы указать, на каком пути можно напасть на след этого “смысла”, если он существует?» [2, с. 717].

Уход от рационализма и интеллектуализма к иррационализму, мистике и религии является реакцией на недоказуемость базового модернистского постулата о том, что научное знание само по себе имеет смысл и ценность [2, с. 719]. Французский философ и социолог, пред-

ставитель постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар также отмечает, что монополия модернистской науки на предоставление обществу истины и основ универсального мировоззрения сама по себе ничем не обоснована и не доказуема, поэтому нуждается в легитимации с помощью метанарративов – «больших рассказов», утверждающих ценность и значимость ее методов, языка, норм, результатов. В обществе модерна в таком качестве выступали, например, философские метанарративы «прогресса», «освобождения человека» и т.д. [8, с. 154–155]. Однако именно в необходимости такой легитимации и заключается слабость позиции сциентизма, ибо утрата доверия к метанарративам ведет и к утрате легитимности мировоззренческой роли самой классической модернистской науки.

Модернизация, в ходе которой утверждается научная картина мира, является сложным, противоречивым, кризисным процессом, в ходе которого разрушаются традиционные институты и основы прежнего мировоззрения. Болезненные для подавляющего большинства людей радикальные перемены, происходившие в нашей стране и во многих странах Европы в начале XX в., привели к актуализации иррационализма, о которой мы выше говорили со ссылкой на М. Вебера. Спиритизм, теософия, восточные мистические учения казались многим образованным, а отнюдь не невежественным людям подлинным путем познания, поскольку казалось, что именно научный рационализм приводит общество в состояние кризиса. Кроме того, радикальные перемены, проявления непредвиденных, непреднамеренных последствий модернизации вызывали латентное сознание, что в этом обществе возможно все, и наряду с падением прежних моральных табу рушилось и рациональное мировоззрение. Аналогичные процессы происходили и в период постсоветской модернизации – перестройки и реформ 90-х гг. XX в., когда среди интеллигенции, а затем и более широких аудиторий стали быстро распространяться увлечения мистикой, нетрадиционными религиями, а доверие к науке упало, а затем и ее институциональные позиции оказались подорваны. История показала, что именно в момент осуществления радикальных модернизационных преобразований дисперсия знания усиливается и научное мировоззрение подвергается серьезному испытанию на адекватность.

Проблема научного познания и производимого им знания состоит в том, что она не только не дает, как мы показали выше, ответов на вопросы о смыслах бытия, но и те факты о его устройстве, которые она открывает и которые становятся основой научного мировоззрения, никогда не являются «окончательными» истинами. М. Вебер говорит об

этом: «Каждый из нас знает, что сделанное им в области науки устареет через 10, 20, 40 лет. Такова судьба, более того, таков смысл научной работы, которому она подчинена и которому служит, и это как раз составляет ее специфическое отличие от всех остальных элементов культуры; всякое совершенное исполнение замысла в науке означает новые “вопросы”, оно по своему существу желает быть превзойденным... Мы не можем работать, не питая надежды на то, что другие пойдут дальше нас. В принципе этот прогресс уходит в бесконечность» [2, с. 712].

В процессе своего прогрессивного развития наука порождает не только знание, но и *институционализированное незнание* [9, с. 29; 10, с. 43], являющееся для ученых не менее ценным, чем сами результаты. Однако для «обычных людей», потребителей знания, имеет значение целостность картины мира, не только дающая им представления о мире, но и служащая ориентиром для действий в нем. Поэтому для восполнения образовывающихся пробелов они обращаются к религии и мифам, представляющим альтернативный науке «метанарратив универсальной объяснительной силы» [11, с. 150], помогающий человеку ориентироваться в сложной и рискованной реальности меняющихся обществ.

Таким образом, одной из причин подрыва авторитета науки и актуализации иных, в том числе архаичных, форм знания является высокий уровень сложности и динамизма социальных процессов в обществах зрелого модерна, которому не соответствует готовность акторов воспринимать эту сложность и адекватно и квалифицированно реагировать на неё. Нуждаясь в понятных и доступных, простых объяснениях сложных вещей, они теряют доверие к специализированному, ориентированному на профессионалов научному знанию и обращаются к религиозным смыслам, к рекомендациям астрологов, мистиков и оккультистов, нередко облачённым в наукообразную форму [12, с. 44–46].

Кроме того, подозрительность к модернистскому сциентизму вызывает и амбивалентность социальных последствий действий ученых. Хорошо известно, что научные открытия служат не только благу человечества, но и имеют в качестве непреднамеренных или намеренных последствий прямые угрозы благополучию, здоровью, даже жизни людей, служат порабощению и эксплуатации, подрывают моральные устои общества и разрушают привычный порядок. Нередко то, что поначалу кажется безусловно полезным, затем оборачивается смертельной угрозой, подобно техническим открытиям, лишаящим людей работы или используемым в военных целях. Сам бескорыстный интерес к познанию мира при отсутствии этических и аксиологических огра-

ничений может иметь опасные последствия – мифология, складывающаяся вокруг работы Большого адронного коллайдера и ЦЕРН в целом, как раз построена на этих опасениях.

Современные исследования, как правило, нуждаются в финансировании, взять на себя которое может или государство, или крупные корпорации. В таких случаях ученые подчиняются уже не корпоративному этосу научного сообщества, а закону рынка и авторского права, и результаты становятся не общим достоянием, а собственностью заказчиков, использующих их в собственных целях, которые тоже могут расходиться с представлениями об общественных интересах.

Все это подрывает безусловный авторитет науки в современном обществе, и на нынешних высоких стадиях развития рефлексивного, радикального модерна [13, с. 287] или постмодерна [13, с. 349] подрывается ее символическая власть единственного источника истины и происходит усиление дисперсии знания.

Дисперсия знания в обществе постмодерна и изменение позиции науки

Характеристика современного состояния общества как постмодерна подчеркивает, что оно принципиально отличается от модерна, даже зрелого и «радикального». Изменения, происходящие в различных сферах культуры, приводят к ее существенным отличиям от культуры модернити. Это касается и статуса науки, и научного знания, а также доверия к ним.

Особенностям науки в обществе постмодерна Ж.-Ф. Лиотар посвятил работу «Состояние постмодерна». Он утверждает, что сущность знания в современном обществе можно определить, только узнав само общество. Однако понимание общества в состоянии постмодерна претерпевает принципиальные изменения. Согласно Ж.-Ф. Лиотару, для определения его природы не годятся выработанные классической социологией определения социальности, во-первых, через функциональное единство, как предложил Т. Парсонс; во-вторых, через диалектические противоположности и борьбу классов, как это делал К. Маркс. Обе логики приводят в конечном счете к тому, что в основе науки лежат метанарративы эффективности, производительности, управления и господства одних социальных групп над другими или же борьбы со старой системой и программирования новой.

Распад модернистских метанарративов в современной культуре приводит к кризису и делегитимации классической науки и модернистского сциентизма. Постмодернизм как система взглядов и способ рассуждения, теоретизирования о быстротрансформирующейся

и усложняющейся социальной реальности в принципе отличается от классического научного метода познания [13, с. 363]. По мнению Ж.-Ф. Лиотара, постмодернистская наука в современном информационном обществе больше интересуется не стабильностью, универсальностью и эффективностью, а «неопределенностями, ограничениями точности контроля, квантами, конфликтами с неполной информацией, fracta, катастрофами, прагматическими парадоксами» [8, с. 143]. В перспективе постмодернизма характер социальной связи определяется через дискурсивную разнородность, в основе которой лежат «языковые игры» как «необходимый для существования общества минимум связи» [8, с. 46]. Существует несводимое множество «языковых игр», каждой из которых соответствуют собственные правила и критерии компетенции, и на этой основе следует определить сущность знания.

На место поиска легитимирующих «больших рассказов» приходят локальные обоснования с помощью новых правил игры, большое количество «малых нарративов», не претендующих на универсальность, легитимных только в локальных сообществах и для узкой постановки вопроса. Исчезает потребность в универсальном метаязыке и критериях научности и истинности, а также эффективности, справедливости, красоты и т.д. Так рождаются локальные теории, которые до бесконечности умножают предметность знания, но не дают ни единой методологии и категориального аппарата, ни целостной картины мира как системы координат, которая бы позволила однозначно ориентироваться в мире, опираясь на критерии научности, истинности и эффективности.

В обществе постмодерна усиливаются дисперсия знания и фрагментация картины мира, в которой научное знание утрачивает определяющее место и безусловное доверие. Характерно, что ученые, борющиеся с «лженаукой», весьма негативно относятся к постмодернистским теориям, характеризуя их как «псевдонаучные» [14, с. 36], т.е. бездоказательные, и усматривая в них «оправдание» экспансии ненаучного знания. Реально постмодернизм не может в принципе ничего «оправдывать», поскольку, как показали Лиотар и другие, он ничего не отрицает и не утверждает. В культуре постмодерна различные формы знания могут быть определены как параллельные «языковые игры», как рядоположенные тексты, повествующие о мире на основе различных правил. При этом ни одна система правил не признается в качестве основной, истинной, доминирующей. Безусловно, такой плюрализм и такая фрагментация культуры приводят к тому, что ограничивается утверждаемый обществом модерна приоритет научного знания

перед другими его формами. То есть мы возвращаемся к описанной М. Вебером ситуации, когда «беспредпосылочное» научное знание не может обосновать свою связь с ценностями общества, поэтому утрачивает его доверие.

Процессы развития модернистских институтов, таких как наука, в условиях постмодерна также претерпевают трансформации. Можно предположить, что бедственное положение российской науки в период постсоветских реформ 90-х гг. было обусловлено не только нехваткой ресурсов, но и массовой утратой уважения к науке и веры в ее пользу для общества [15, с. 98–99], представляющей собой результат распада модернистского метанарратива пользы и эффективности науки.

Существенные трансформации претерпела и популяризация науки. Государство и средства массовой информации отказались от просветительской политики, в результате чего резко снизилась популяризаторская активность, а общественность, занятая в «лихие 90-е» элементарным выживанием, в свободное время предпочитала более простые развлечения. Средства массовой информации, соответственно, переключились с просветительского контента на развлекательный, ставший доминирующим. Когда острый кризис миновал, появление и массовое распространение новых медиа, в первую очередь Интернета, привели к возникновению новых форматов популяризации науки. Достижения науки стали использоваться в развлекательных и рекламных контентах, причем изменились семантика и стилистика подачи информации – от попыток «поднять» аудиторию до уровня хотя и упрощенной, но научной речи до «нисхождения» популяризации науки до уровня массовой культуры.

Соответствующий новым медиа клиповый и интерактивный характер передачи информации наложил ограничения на возможности классического формата популяризации науки и востребовал развитие новых форматов, позволяющих новостям науки привлекать внимание в общем потоке разнообразной информации. Обстоятельные повествования, апеллирующие к эрудиции, логике, всё больше заменяются краткими шоу или клипами на научные темы, в течение 10–15 минут, а то и быстрее, в занимательной форме рассказывающими о ярком научном событии или о проблеме [5, с. 298]. Результатом развития новых клиповых форматов является мозаичный, случайный характер научно-популярного контента. Выбранная журналистами яркая новость вырывается из контекста научных исследований в своей области, в результате чего у аудитории не складывается целостное представление о её развитии. Если научная сенсация опровергается последующими иссле-

дованиями или оказывается фейком, аудиторию не информируют об этом, что становится предпосылкой формирования лженаучных представлений.

Изменение формата популяризации науки в СМИ стало одной из причин широкого распространения лженаучных идей и теорий в самых разных областях знаний, борьба с которым занимает в основном ученых, преподавателей и достаточно узкую группу научных журналистов, ориентированных на классические форматы популяризации науки. При этом активизирующиеся вследствие усиления дисперсии знания другие его формы – религиозные, мифологические и т.д. – также нередко принимают за «лженауку» из-за их несоответствия сложившейся сциентистской картине мира.

Институциональное доверие к науке как основному институту производства знания в обществе модерна в условиях постмодерна не столько снижается само по себе, сколько сосуществует с доверием к другим формам знания. Картина мира человека постмодерна, складывающаяся под влиянием новых медиа, а не классического просвещения, носит фрагментарный, клиповый характер, больше похожа на коллаж, чем на стройную систему.

Заключение

Таким образом, сложившееся в обществах модернизи противоречие между плюрализмом культурных ценностей и монизмом сциентистского мировоззрения в условиях постмодерна разрешается в пользу плюрализма. Дисперсия знания и активизация его альтернативных форм, как представляется, выполняют значимые социокультурные функции. Высокоспециализированная и узкопрофессиональная наука «малых нарративов» не позволяет сформировать универсальную картину мира и выработать «единственно правильную» систему ориентиров и жизненных стратегий. Многообразие форм знания отражает соответствующий «текучей современности» (З. Бауман) богатый спектр возможностей отношения к миру, образов жизни и стратегий поведения, выбора идентичностей, с которым имеет дело современный человек. Религиозные представления, новые мифологии, эстетическое и этическое восприятие реальности служат для восполнения системы оценок и смыслов, которые были утрачены вместе с «большими нарративами» модернистской науки. Это, конечно, не означает, что не следует бороться с лженаукой как намеренно и в корыстных целях распространяемыми бездоказательными утверждениями и теориями. Однако сосуществование научного знания и мировоззрения с религиозным, мифологическим, повседневным и т.д. в современном обществе неизбежно.

Литература

1. «Солнце – спутник Земли», или Рейтинг научных заблуждений россиян [Электронный ресурс]. URL: [http:// wciom.ru/index.php?id=236&uid=111345](http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111345) (дата обращения: 05.12.2016).
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
3. Merton R. Institutional Imperatives of Science // Sociology of Science / ed. by B. Barnes. L.: Penguin Books, 1972. P. 65–79.
4. Кареев Н.И. О духе русской науки // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 171–184.
5. Абрамов А.Н. Роль сообщества и различных форм знаний в производстве профессиональной культуры: на примере советской и российской научно-популярной журналистики // Абрамов А.Н. Социология профессий и занятий: очерки истории и ключевые концепции дисциплинарной области. М.: Вариант, 2016. С. 267–299.
6. Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
7. Сергеев А.Г. Проблема практической демаркации науки и лженауки на российском научном поле // В защиту науки. 2015. № 16. С. 49–68.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
9. Кравченко С.А. Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 27–37.
10. Кравченко С.А. Доверие к знанию во всемирном обществе риска // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 2. С. 38–47.
11. Свечникова Е.В. Альтернативный метанарратив // Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа. СПб.: Изд-во ВВМ, 2015. С. 146–157.
12. Зарубина Н.Н. Упрощенные социальные практики как способ адаптации к сложному социуму // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 37–46.
13. Кравченко С.А. Социология: в 2 т.

References

1. «Solntse – sputnik Zemli», ili Reyting nauchnykh zabluzhdeniy rossiyan [Elektronnyy resurs]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111345> (data obrashcheniya: 05.12.2016).
2. Veber M. Nauka kak prizvanie i professiya // Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. P. 707–735.
3. Merton R. Institutional Imperatives of Science // Sociology of Science / ed. by B. Barnes. L.: Penguin Books, 1972. P. 65–79.
4. Kareev N.I. O dukhe russkoy nauki // Russkaya ideya. M.: Respublika, 1992. P. 171–184.
5. Abramov A.N. Rol' soobshchestva i razlichnykh form znaniy v proizvodstve professional'noy kul'tury: na primere sovetskoy i rossiyskoy nauchno-populyarnoy zhurnalistiki // Abramov A.N. Sotsiologiya professiy i zanyatiy: ocherki istorii i klyuchevye kontseptsii distsiplinarnoy oblasti. M.: Variant, 2016. P. 267–299.
6. Burd'e P. Sotsiologiya politiki. M.: Socio-Logos, 1993. 336 p.
7. Sergeev A.G. Problema prakticheskoy demarkatsii nauki i lzhenauki na rossiyskom nauchnom pole // V zashchitu nauki. 2015. № 16. P. 49–68.
8. Liotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna. M.: In-t eksperimental'noy sotsiologii; SPb.: Aleteyya, 1998. 160 p.
9. Kravchenko S.A. Pereotkrytie sotsial'noy real'nosti kak pokazatel' validnosti sotsiologicheskogo znaniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. № 5. P. 27–37.
10. Kravchenko S.A. Doverie k znaniyu vo vsemirnom obshchestve riska // Mezhdunarodnye protsessy. 2016. T. 14, № 2. P. 38–47.
11. Svechnikova E.V. Al'ternativnyy metanarrativ // Lzhenauka v sovremennom mire: mediasfera, vysshee obrazovanie, shkola. SPb.: Izd-vo VVM, 2015. P. 146–157.
12. Zarubina N.N. Uproshchennye sotsial'nye praktiki kak sposob adaptatsii k slozhnomu sotsiumu // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. № 5. P. 37–46.
13. Kravchenko S.A. Sotsiologiya: v 2 t.

Т. 2: Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения. М.: Юрайт, 2014. 636 с.

14. *Ефремов Ю.Н.* Лженаука, псевдонауки и гипотеза // Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа. СПб.: Изд-во ВВМ, 2013. С. 30–41.

15. *Зарубина Н.Н.* Уважение к научному сообществу как предпосылка доверия к институту науки в современной России // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 1. С. 89–107.

Т. 2: Novye i noveyshie sotsiologicheskie teorii cherez prizmu sotsiologicheskogo voobrazheniya. M.: Yurayt, 2014. 636 p.

14. *Efremov Yu.N.* Lzhenauka, psevdonauki i gipoteza // Lzhenauka v sovremennom mire: mediasfera, vysshee obrazovanie, shkola. SPb.: Izd-vo VVM, 2013. P. 30–41.

15. *Zarubina N.N.* Uvazhenie k nauchnomu soobshchestvu kak predposylka doveriya k institutu nauki v sovremennoy Rossii // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika. 2017. № 1. P. 89–107.

Поступила в редакцию

12 декабря 2017 г.